

ЗДОРОВОЕ ОБЩЕСТВО

Эрих ФРОММ

*В XIX веке проблема состояла в том,
что Бог мертв; в XX – проблема в том,
что мертв человек.*



Эрих Фромм

Здоровое общество

«Издательство АСТ»

1955

Фромм Э.

Здоровое общество / Э. Фромм — «Издательство АСТ», 1955

ISBN 978-5-17-071963-1

Эрих Фромм – крупнейший мыслитель XX века, один из великой когорты «философов от психологии» и духовный лидер Франкфуртской социологической школы. Труды Эриха Фромма актуальны всегда, ибо основной темой его исследований было раскрытие человеческой сущности как реализации продуктивного, житнетворческого начала. «В прошлом опасность была в том, что люди становились рабами. Опасность будущего в том, что люди могут стать роботами». В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

ISBN 978-5-17-071963-1

© Фромм Э., 1955

© Издательство АСТ, 1955

Содержание

Глава I	6
Глава II	11
Глава III	17
Положение человека	17
Потребности человека, вытекающие из условий его существования	21
А. Приобщенность в противовес нарциссизму	22
Б. Преодоление и созидательность в противовес разрушительности	26
В. Укорененность и братство в противовес кровосмешению	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Эрих Фромм

Здоровое общество

Erich Fromm

THE SANE SOCIETY

Печатается с разрешения The Estate of Erich Fromm and of Annis Fromm
и литературного агентства Liepman AG, Literary Agency.

© Erich Fromm, 1955

© Перевод. Т.В. Банкетова, 2011

© Перевод. С.В. Карпушина, 2011

© Издание на русском языке AST Publishers, 2011

Глава I

Нормальны ли мы?

Нет более расхожей мысли, чем та, что мы, обитатели западного мира XX в., совершенно нормальны. Даже при том факте, что многие из нас страдают более или менее тяжелыми формами психических заболеваний, общий уровень душевного здоровья не вызывает у нас особых сомнений. Мы уверены, что, введя более совершенные методы психической гигиены, можем в дальнейшем улучшить положение дел в этой области. Если же речь заходит об индивидуальных психических расстройствах, мы рассматриваем их лишь как абсолютно частные случаи, разве что немного недоумевая, отчего же они так часто встречаются в обществе, считающемся вполне здоровым.

Но можем ли мы быть уверены в том, что не обманываем себя? Известно: многие обитатели психиатрических лечебниц убеждены, что помешанными являются все, кроме них самих. Немало тяжелых невротиков полагают, что их навязчивые идеи или истерические припадки – это нормальная реакция на не совсем обычные обстоятельства. Ну а мы сами?

Давайте рассмотрим факты с точки зрения психиатрии. За последние 100 лет мы – обитатели западного мира – создали больше материальных благ, чем любое другое общество в истории человечества. И тем не менее мы умудрились уничтожить миллионы людей в войнах. Наряду с более мелкими были и крупные войны 1870, 1914 и 1939 гг.¹ Каждый участник этих войн твердо верил в то, что он сражается, защищая себя и свою честь. На своих противников смотрели как на жестоких, лишенных здравого смысла врагов рода человеческого, которых надо разгромить, чтобы спасти мир от зла. Но проходит всего несколько лет после окончания взаимного истребления, и вчерашние враги становятся друзьями, а недавние друзья – врагами, и мы опять со всей серьезностью принимаемся расписывать их соответственно белой или черной краской. В настоящее время – в 1955 г. – мы готовы к новому массовому кровопролитию; но если бы оно произошло, то превзошло бы любое из совершённых человечеством до сих пор. Именно для этой цели и было использовано одно из величайших открытий в области естественных наук. Со смешанным чувством надежды и опасения взирают люди на «государственных мужей» разных народов и готовы восхвалять их, если они «сумеют избежать войны»; при этом упускают из виду, что войны всегда возникали как раз по вине государственных деятелей, но, как правило, не по злему умыслу, а вследствие неразумного и неправильного исполнения ими своих обязанностей.

Тем не менее во время таких вспышек деструктивности и параноидальной² подозрительности мы ведем себя точно так же, как это делала цивилизованная часть человечества на протяжении последних трех тысячелетий. По подсчетам Виктора Шербюлье, в период с 1500 г. до н. э. по 1860 г. н. э. подписано по меньшей мере 8 тыс. мирных договоров, каждый из которых, как предполагалось, призван был обеспечить длительный мир: в действительности срок действия каждого из них составлял в среднем всего два года!³

Наша хозяйственная деятельность едва ли обнадеживает в большей мере. Мы живем в такой экономической системе, где слишком высокий урожай зачастую оказывается экономическим бедствием, – и мы ограничиваем продуктивность сельского хозяйства в целях «стабилизации рынка», хотя миллионы людей остро нуждаются в тех самых продуктах, производ-

¹ 1870 г. – начало франко-прусской войны; 1914 г. – начало Первой мировой войны; 1939 г. – начало Второй мировой войны.

² Параноидальный (*греч.* *παρὰνοια* – умопомешательство) – характерный для паранойи – психического заболевания, сопровождающегося стойким систематизированным бредом (мания преследования, ревность и т. п.).

³ См.: Stevens H. B. *The Recovery of Culture*. Harper and Brothers. New York, 1949. P. 221. (*Примеч. автора*).

ство которых мы ограничиваем. Сейчас наша экономическая система функционирует весьма успешно. Но одна из причин этого состоит в том, что мы ежегодно расходует миллиарды долларов на производство вооружений. С некоторой тревогой думают экономисты о том времени, когда мы перестанем производить вооружение; мысль же о том, что вместо производства оружия государству надлежит строить дома и выпускать необходимые и полезные вещи, тотчас влечет за собой обвинение в посягательстве на свободу частного предпринимательства.

Более 90 % населения у нас грамотны. Радио, телевидение, кино и ежедневные газеты доступны всем. Однако вместо того чтобы знакомить нас с лучшими литературными и музыкальными произведениями прошлого и настоящего, средства массовой информации в дополнение к рекламе забивают людям головы самым низкопробным вздором, далеким от реальности и изобилующим садистскими фантазиями, которыми мало-мальски культурный человек не стал бы даже изредка заполнять свой досуг. Но пока происходит это массовое развращение людей от мала до велика, мы продолжаем строго следить за тем, чтобы на экраны не попало ничего «безнравственного». Любое предложение о том, чтобы правительство финансировало производство кинофильмов и радиопрограмм, просвещающих и развивающих людей, также вызвало бы возмущение и осуждение во имя свободы и идеалов.

Мы сократили количество рабочих часов почти вдвое по сравнению с временами столетней давности. О таком количестве свободного времени, как у нас сегодня, наши предки не осмеливались и мечтать. И что же? Мы не знаем, как использовать это недавно приобретенное свободное время: мы стараемся убить его и радуемся, когда заканчивается очередной день.

Стоит ли продолжать описание того, что и так хорошо всем известно? Если бы подобным образом действовал отдельно взятый человек, то, безусловно, возникли бы серьезные сомнения – в своем ли он уме. Если бы тем не менее он стал настаивать на том, что все в порядке и что он действует вполне разумно, то диагноз не вызывал бы никаких сомнений.

Однако многие психиатры и психологи отказываются признавать, что общество в целом может быть психически не вполне здоровым. Они считают, что проблема душевного здоровья общества заключается лишь в количестве «неприспособленных» индивидов, а не в возможной «неотлаженности» самого общества. В настоящей книге рассмотрен как раз последний вариант постановки проблемы: не индивидуальная патология, а патология нормальности, особенно в современном западном обществе. Но прежде чем приступить к непростому обсуждению понятия социальной патологии, давайте познакомимся с некоторыми весьма красноречивыми и наводящими на размышления данными, которые позволяют судить о масштабах распространения *индивидуальной патологии* в западной культуре.

Насколько широко распространены психические заболевания в различных странах западного мира? Самое удивительное, что данных, отвечающих на этот вопрос, вообще не существует. Имея точные сравнительные статистические показатели о материальных ресурсах, занятости, о рождаемости и смертности, мы не располагаем соответствующей информацией о психических заболеваниях. В лучшем случае у нас есть некоторые сведения по ряду стран, таких, как США и Швеция. Но они дают представление только о числе пациентов в психиатрических лечебницах и не могут помочь в определении сравнительной частоты психических расстройств. В действительности же эти данные указывают не столько на увеличение количества психических заболеваний, сколько на расширение возможностей психиатрических лечебных заведений и улучшение медицинского обслуживания в них⁴. Тот факт, что больше половины всех больничных коек в США занято пациентами с психическими расстройствами, на которых мы ежегодно расходует свыше миллиарда долларов, может, скорее, свидетельствовать не о росте числа душевнобольных, а лишь о развитии медицинского обслуживания. Однако есть другие цифры, с большей определенностью указывающие на распространение довольно

⁴ Ср. Goldhamer H. and Marshall A. *Psychosis and Civilization*. Free Press. Glencoe, 1953. (Примеч. автора).

тяжелых случаев нарушений психики. Если во время последней войны 17,7 % всех призывников были признаны негодными к военной службе из-за психических заболеваний, то это, несомненно, свидетельствует о высокой степени психического неблагополучия, даже если у нас нет аналогичных показателей для сравнения с прошлым или с другими странами.

Единственными сопоставимыми величинами, которые могут нам дать приблизительное представление о состоянии психического здоровья, являются сведения о самоубийствах, убийствах и алкоголизме. Самоубийство, без сомнения, – наиболее сложная проблема, и ни один отдельно взятый фактор нельзя признать его *единственной* причиной. Но, даже не вдаваясь в обсуждение этой проблемы, я считаю вполне обоснованным предположение, что высокий процент самоубийств в той или иной стране отражает недостаток психической стабильности и душевного здоровья. Такое положение вещей обусловлено отнюдь не бедностью. Это убедительно подтверждается всеми данными. Меньше всего самоубийств совершается в самых бедных странах, в то же время рост материального благосостояния в Европе сопровождался увеличением числа самоубийств⁵. Что же касается алкоголизма, то и он, вне всякого сомнения, указывает на психическую и эмоциональную неуравновешенность.

Мотивы убийств, пожалуй, в меньшей степени свидетельствуют о патологии, чем причины самоубийств. Тем не менее, хотя в странах с большим числом убийств наблюдается низкий уровень числа самоубийств, сумма этих показателей приводит нас к интересному выводу. Если мы отнесем и убийства, и самоубийства к «деструктивным действиям», то из приведенных здесь таблиц обнаружим, что совокупный показатель таких действий – величина отнюдь не постоянная, а колеблющаяся в интервале между крайними значениями – 35,76 и 4,24. Это противоречит фрейдовскому предположению об относительном постоянстве количества деструктивности, на чем основана его теория инстинкта смерти, и опровергает вытекающий из этого вывод о том, что разрушительность сохраняется на одном уровне, отличаясь только направленностью на себя или на внешний мир.

Приведенные ниже таблицы показывают количество убийств и самоубийств, а также число людей, страдающих алкоголизмом, в ряде наиболее важных стран Европы и Северной Америки. В табл. I, II и III приведены данные за 1946 г.

Таблица I
Деструктивные действия⁶
(на 100 тыс. человек взрослого населения, %)

Страна	Самоубийства	Убийства
Дания	35,09	0,67
Швейцария	33,72	1,42
Финляндия	23,35	6,45
Швеция	19,74	1,01
США	15,52	8,5
Франция	14,83	1,53
Португалия	14,24	2,79
Англия и Уэльс	13,43	0,63
Австралия	13,03	1,57
Канада	11,4	1,67
Шотландия	8,06	0,52
Норвегия	7,84	0,38
Испания	7,71	2,88
Италия	7,67	7,38
Северная Ирландия	4,82	0,13
Ирландия (Республика)	3,7	0,54

⁵ Ср. Halbwachs Maurice. Les Causes du Suicide. Felix Alcan. Paris, 1930. P. 109, 112. (Примеч. автора).

⁶ Данные первых двух таблиц взяты из: 1. World Health Organization (1951). Annual epidemiological and vital statistics, 1939–1946. Part 1. Vital statistics and causes of death. Geneva. P. 38–71 (для большей точности данные этого источника, относящиеся ко всему населению, были пересчитаны в отношении численности взрослого населения) и 2. World Health Organization (1952). Epidem vital Statist. Rep. 5, 377. Данные третьей таблицы взяты из Report on the First Session of the Alcoholism Subcommittee, of the Expert Committee on Mental Health. World Health Organization. Geneva, 1951. (Примеч. автора).

Таблица II
Деструктивные действия

Страна	Суммарное число убийств и самоубийств, %
Дания	35,76
Швейцария	35,14
Финляндия	29,8
США	24,02
Швеция	20,75
Португалия	17,03
Франция	16,36
Италия	15,05
Австралия	14,6
Англия и Уэльс	14,06
Канада	13,07
Испания	10,59
Шотландия	8,58
Норвегия	8,22
Северная Ирландия	4,95
Ирландия (Республика)	4,24

Таблица III
Приблизительное число страдающих алкоголизмом
(с осложнениями или без них)

Страна	На 100 тыс. взрослых	Год
США	3952	1948
Франция	2850	1945
Швеция	2580	1946
Швейцария	2385	1947
Дания	1950	1948
Норвегия	1560	1947
Финляндия	1430	1947
Австралия	1340	1947
Англия и Уэльс	1100	1948
Италия	500	1942

При беглом взгляде на эти таблицы бросается в глаза интересный факт: страны с самым высоким количеством самоубийств – Дания, Швейцария, Финляндия, Швеция и США – имеют и самый высокий общий показатель количества убийств и самоубийств, в то время как другие страны – Испания, Италия, Северная Ирландия и Ирландская Республика – характеризуются самыми низкими показателями и по количеству убийств, и по числу самоубийств.

Данные табл. III свидетельствуют о том, что на страны с наиболее высоким количеством самоубийств – США, Швейцарию и Данию – приходится и самые высокие показатели по алкоголизму, с той лишь разницей, что, по данным этой таблицы, США занимают 1-е место, а Франция – 2-е место соответственно вместо 5-го и 6-го мест по количеству самоубийств.

Эти цифры воистину устрашают и вызывают тревогу. Ведь даже если мы усомнимся в том, что высокая частота самоубийств сама по себе свидетельствует о недостатке психического здоровья у населения, то значительное совпадение данных о самоубийствах и алкоголизме, по всей видимости, показывает, что здесь мы имеем дело с признаками психической неуравновешенности.

Кроме того, мы видим, что в странах Европы – наиболее демократических, мирных и процветающих, а также в Соединенных Штатах – богатейшей стране мира, проявляются самые тяжелые симптомы психических отклонений. Целью всего социально-экономического развития западного мира являются материально обеспеченная жизнь, относительно равное распределение богатства, стабильная демократия и мир; и как раз в тех странах, которые ближе других подошли к этой цели, наблюдаются наиболее серьезные симптомы психического дисбаланса! Правда, сами по себе эти цифры ничего не доказывают, но они, по меньшей мере, ошеломляют. И еще до начала более детального рассмотрения всей проблемы эти данные подводят

нас к вопросу: нет ли чего-нибудь в корне неправильного в нашем образе жизни и в целях, к которым мы стремимся?

Не может ли быть так, что обеспеченная жизнь среднего класса, удовлетворяя наши материальные потребности, вызывает у нас чувство невыносимой скуки, а самоубийства и алкоголизм – всего лишь болезненные попытки избавиться от нее? Может быть, приведенные данные являются впечатляющей иллюстрацией истинности слов «не хлебом единым жив человек» и вместе с тем показывают, что современная цивилизация не в состоянии удовлетворить глубинные потребности человека? И если так, то что это за потребности?

В следующих главах попытаемся ответить на этот вопрос и критически оценить влияние западной культуры на душевное развитие и психику людей, живущих в странах Запада. Однако прежде чем приступить к детальному обсуждению этих проблем, нам, по-видимому, следует рассмотреть общую проблему патологии нормальности, так как именно она служит исходной посылкой всего направления мыслей, изложенных в этой книге.

Глава II

Может ли общество быть больным?

Патология нормальности⁷

Утверждать, что обществу в целом может не хватать психического здоровья, – значит исходить из спорного предположения, противоположного позиции *социологического релятивизма*⁸, разделяемой большинством представителей общественных наук нашего времени. Эти ученые исходят из того, что каждое общество нормально постольку, поскольку оно функционирует, и что патологию можно определить только как недостаточную приспособляемость индивида к образу жизни общества.

Говорить о «здоровом обществе» – значит базироваться на посылке, отличной от социологического релятивизма. Это имеет смысл только в том случае, если мы допускаем, что существование психически *нездорового* общества возможно; это, в свою очередь, предполагает существование общепринятых критериев душевного здоровья, применимых к роду человеческого как таковому, на основании которых можно судить о состоянии здоровья любого общества. Эта позиция *нормативного гуманизма*⁹ основана на нескольких главных предпосылках.

Человека как единицу вида можно определить не только с точки зрения анатомии и физиологии; для представителей этого вида характерны общие психические свойства, законы, управляющие их умственной и эмоциональной деятельностью, а также стремление к удовлетворительному разрешению проблем человеческого существования. Впрочем, наши знания о человеке все еще настолько несовершенны, что мы пока не можем строго определить человека в психологическом плане. Задача «науки о человеке» – составить, наконец, точное описание того, что с полным основанием называется природой человека. То, что зачастую называли природой человека, оказывалось всего лишь одним из ее многочисленных проявлений (к тому же нередко патологическим); причем, как правило, эти ошибочные определения использовали для защиты данного типа общества, представляя его как неизбежный результат, соответствующий психическому складу человека.

В противовес такому реакционному использованию понятия природы человека либералы начиная с XVIII в. подчеркивали изменчивость человеческой натуры и решающее влияние на нее окружающей среды. Такая постановка вопроса, при всей ее правильности и важности, побудила многих представителей общественных наук предположить, будто психический склад человека не определяется присущими ему самому свойствами, а являет собой как бы чистый лист бумаги, на который общество и культура наносят свои письмена. Это предположение столь же несостоятельно и разрушительно для общественного прогресса, как и противоположное. Действительная проблема заключается в том, чтобы из множества *проявлений* человеческой природы (как нормальных, так и патологических), насколько мы можем их наблюдать у разных индивидов и в разных культурах, установить ее основу, общую для всего человеческого

⁷ В этой главе я использовал свою статью «Individual and Social Origins of Neurosis», Am. Soc. Rev. IX, 4, 1944. P. 380 ff. (Примеч. автора).

⁸ Релятивизм (лат. *relativus* – относительный) – методологический принцип, состоящий в метафизической абсолютизации относительности и условности знаний, ведущий к отрицанию возможности познания объективной истины. Социологический релятивизм – релятивистский подход к решению социологических проблем, т. е. признание относительного и условного характера социологических знаний, исключающего объективный и всеобщий критерий их оценки.

⁹ Нормативный гуманизм – понятие, введенное Фроммом для обозначения позиции, исходящей из признания того, что у человека есть специфически человеческие потребности, которые необходимо удовлетворять. Причем не человек должен приспособляться к обществу, а общество должно считать удовлетворение человеческих потребностей нормой своего функционирования.

рода. Кроме того, задача состоит в том, чтобы выявить имманентные¹⁰ человеческой природе законы, а также неотъемлемые цели ее преобразования и развития.

Такое понимание человеческой природы отличается от общепринятого смысла термина «природа человека». Преобразуя окружающий его мир, человек вместе с тем изменяет в ходе истории и самого себя. Он как бы является своим собственным творением. Но подобно тому как он может преобразовать и видоизменить природные материалы только сообразно их природе, точно так же он может преобразовать и изменить себя только в соответствии со своей собственной природой. Развертывание потенций и преобразование их в меру своих возможностей – вот что человек действительно совершает в процессе истории. Изложенную здесь точку зрения нельзя считать ни исключительно «биологической», ни только «социологической», поскольку эти два аспекта проблемы следует рассматривать в неразрывном единстве. В ней скорее преодолевается их дихотомия¹¹ благодаря предположению, что основные страсти и побуждения человека проистекают из *целостного* человеческого существования, что их можно выявить и определить, причем одни из них ведут к здоровью и счастью, другие – к болезням и несчастью. Ни один общественный строй не создает эти фундаментальные устремления, но лишь определяет, каким именно из ограниченного набора потенциальных страстей предстоит проявиться или возобладать. Какими бы ни представляли люди в каждой данной культуре, они всегда суть яркое выражение человеческого естества, но такое выражение, спецификой которого, однако, является его зависимость от социальных законов жизни данного общества. Подобно тому как ребенок при рождении обладает всеми потенциальными человеческими возможностями, которым предстоит развиваться при благоприятных социальных и культурных условиях, так и человеческий род развивается в ходе истории, становясь тем, чем он потенциально является.

Подход *нормативного гуманизма* основан на допущении, что проблему человеческого существования, как и любую другую, можно решить правильно и неправильно, удовлетворительно и неудовлетворительно. Если человек достигает в своем развитии полной зрелости в соответствии со свойствами и законами человеческой природы, то он обретает душевное здоровье. Неудача такого развития приводит к душевному заболеванию. Из этой посылки следует, что мерилom психического здоровья является не индивидуальная приспособленность к данному общественному строю, а некий всеобщий критерий, действительный для всех людей, – удовлетворительное решение проблемы человеческого существования.

Ничто так не вводит в заблуждение относительно состояния умов в обществе, как «единодушное одобрение» принятых представлений. При этом наивно полагают, что если большинство людей разделяют определенные идеи или чувства, то тем самым доказывается обоснованность последних. Нет ничего более далекого от истины, чем это предположение. Единодушное одобрение само по себе никак не связано ни с разумом, ни с душевным здоровьем. Подобно тому как бывает «*folie a deux*»¹², существует и «*folie a millions*»¹³. Ведь оттого что миллионы людей подвержены одним и тем же порокам, эти пороки не превращаются в добродетели; оттого что множество людей разделяют одни и те же заблуждения, эти заблуждения не превращаются в истины, а оттого что миллионы людей страдают от одних и тех же форм психической патологии, эти люди не выздоравливают.

¹⁰ Имманентный (*лат.* immanens – пребывающий в чем-либо, свойственный чему-либо) – нечто внутренне присущее какому-либо предмету, явлению, процессу.

¹¹ Дихотомия (*греч.* dichotomia – разделение надвое) – деление понятия на две части, обладающие противоположными свойствами. Основой дихотомии является противоречивость целого, поэтому термин «дихотомия» часто используют как синоним противоречия. В данном случае термином «дихотомия» обозначена возможность выбора между биологическим и социологическим подходами к человеку, противоположность которых Фромм пытается преодолеть, предлагая рассматривать человека в целостности его существования.

¹² «Безумие вдвоем» (*фр.*).

¹³ «Безумие миллионов» (*фр.*).

Между индивидуальными и социальными психическими заболеваниями есть, однако, важное различие, предполагающее дифференциацию понятий *ущербность* и *невроз*. Если человеку не удастся достичь свободы, спонтанности¹⁴, подлинного самовыражения, то его можно считать глубоко ущербным, коль скоро мы допускаем, что каждое человеческое существо объективно стремится достичь свободы и непосредственности выражения чувств. Если же большинство членов данного общества не достигает этой цели, то мы имеем дело с *социально заданной* ущербностью. И поскольку она присуща не одному индивиду, а многим, он не осознает ее как неполноценность, ему не угрожает ощущение собственного отличия от других, сходного с отверженностью. Его возможный проигрыш в богатстве жизненных впечатлений, в подлинном переживании счастья восполняется безопасностью, которую он обретает, приравниваясь к остальному человечеству, *насколько он его знает*. Не исключено, что сама эта ущербность возведена обществом, в котором он живет, в ранг добродетели и поэтому способна усилить его ощущение уверенности в достигнутом успехе.

Примером тому может служить чувство вины и беспокойства, которое вызывала в людях доктрина Кальвина¹⁵. Человек, преисполненный чувства собственного бессилия и ничтожества, постоянно мучимый сомнениями, будет ли он спасен или осужден на вечные муки, едва ли способен на подлинную радость, а потому может считаться глубоко ущербным. Однако обществом была задана именно такая ущербность: она ценилась особенно высоко, поскольку с ее помощью индивид был защищен от невроза, неизбежного в рамках иной культуры, в которой та же самая ущербность вызывала бы у него чувство полного несоответствия окружающему миру и изолированности от него.

Спиноза¹⁶ очень четко сформулировал проблему социально заданной ущербности. Он писал: «В самом деле, мы видим, что иногда какой-либо один объект действует на людей таким образом, что, хотя он и не существует в наличности, однако они бывают уверены, что имеют его перед собой, и когда это случается с человеком бодрствующим, то мы говорим, что он сумасшествует или безумствует... Но когда *скупой* ни о чем не думает, кроме наживы и денег, *честолюбивец* – ни о чем, кроме славы, и т. д., то мы не признаем их безумными, так как они обыкновенно тягостны для нас и считаются достойными ненависти. *На самом же деле* скупость, честолюбие, разврат и т. д. составляют виды сумасшествия, хотя и не причисляются к болезням»¹⁷.

Эти слова были написаны несколько столетий тому назад; они и до сих пор верны, хотя в настоящее время различные виды ущербности наперед заданы обществом в такой степени, что обычно уже не вызывают раздражения или презрения. В наши дни мы сталкиваемся с человеком, который действует и чувствует, как автомат, он никогда не испытывает переживаний, которые действительно были бы его собственными; он ощущает себя точно таким, каким, по его мнению, его считают другие; его искусственная улыбка пришла на смену искреннему смеху,

¹⁴ Спонтанность (*лат.* spontaneous – добровольный, произвольный) – самопроизвольность, самодвижение, вызванное не внешними факторами, а внутренними причинами.

¹⁵ Кальвин Жан (1509–1564) – деятель Реформации, основатель кальвинизма – одного из направлений протестантизма. В 1534 г. бежал из Франции и с 1541 г. стал фактическим диктатором в Женеве, где ввел суровый режим господства реформистской церкви, следившей за частной жизнью граждан. Кальвин выдвинул доктрину об абсолютном предопределении, согласно которой лишь избранные Богом предназначены к спасению, т. е. удача или банкротство, успех или прозябание зависят не от деятельности или способностей человека, а от предопределения свыше. Проповедовал мирской аскетизм, внедрял в сознание верующих чувство вины перед Богом и церковью, отличался религиозной нетерпимостью.

¹⁶ Спиноза Бенедикт (Барух) (1632–1677) – нидерландский философ-материалист, атеист. Сторонник пантеизма, т. е. последовательного отождествления Бога и природы. Спиноза рассматривал человека как часть природы, считая, что он включен в универсальные причинные связи и тем самым его поведение полностью детерминировано. Большое внимание уделял этике, центральным понятием которой является «свободный человек». «Свободным» Спиноза называл человека, руководствующегося разумом и осознающего собственную детерминированность.

¹⁷ Spinoza, Ethics, IV Prop. 44 Schol. (*Примеч. автора*). Цит. по: Спиноза Б. Этика // Избр. произведения в 2-х т. М., 1957. Т. I. С. 558–559. (*Примеч. отв. ред.*).

а ничего не значащая болтовня заняла место словесного общения; он испытывает унылое чувство безнадежности вместо действительной боли. В отношении такого человека можно отметить два момента. Во-первых, он страдает от недостатка спонтанности и индивидуальности, что может оказаться невосполнимым. В то же время он существенно не отличается от миллионов других людей, находящихся в таком же положении. Для большинства из них общество предусматривает модели поведения, дающие им возможность *сохранить здоровье, несмотря на свою ущербность*. Выходит, что каждое общество как бы предлагает собственное средство против вспышки явных невротических симптомов, являющихся следствием порождаемой им ущербности.

Предположим, что в западной цивилизации всего на четыре недели перестали бы работать кино, радио, телевидение, были бы отменены спортивные мероприятия, прекратился бы выпуск газет. Если таким образом перекрыть главные пути спасения бегством, то каковы будут последствия для людей, предоставленных самим себе? Я не сомневаюсь, что даже за такое короткое время возникнут тысячи нервных расстройств и еще многие тысячи людей окажутся в состоянии сильной тревоги, дающих картину, аналогичную той, которая клинически диагностируется как «невроз»¹⁸. Если при этом устранить средства, позволяющие подавить реакцию на социально заданную ущербность, то перед нами предстанет явное заболевание.

Для меньшинства людей модель поведения, предлагаемая обществом, оказывается не эффективной. Обычно это происходит с теми, кто подвержен более серьезной индивидуальной ущербности, чем рядовой человек, в результате чего средства, предоставляемые культурой, оказываются недостаточными для предотвращения открытой вспышки болезни. (Возьмем, к примеру, человека, жизненная цель которого – достижение власти и славы. Хотя сама по себе эта цель явно патологическая, существует тем не менее разница между одним человеком, прилагающим усилия, чтобы на практике достичь желаемого, и другим, более тяжело больным, который остается во власти инфантильных притязаний, ничего не предпринимает для осуществления своего желания в ожидании чуда и, испытывая в результате все большее и большее бессилие, приходит в конце концов к горькому ощущению собственной бесполезности и разочарованию.) Но существуют и такие люди, которые структурой своего характера, а следовательно, и конфликтами, отличаются от большинства других, поэтому средства, эффективные для большей части их собратьев, не могут им помочь. Среди них мы иногда встречаем людей честнее и чувствительнее остальных, которые именно в силу этих свойств не могут принять предлагаемых культурой «успокаивающих» средств, хотя в то же время у них не хватает ни сил, ни здоровья, чтобы наперекор всему спокойно жить по-своему.

В результате рассмотренного различия между неврозом и социально заданной ущербностью может сложиться впечатление, что стоит только обществу принять меры против вспышки явных симптомов, как все оказывается в порядке, и оно может продолжать беспрепятственно функционировать, сколь бы ни была велика ущербность, порождаемая им. Однако история показывает, что это не так.

Действительно, в отличие от животных человек проявляет почти безграничную приспособляемость; он может есть почти все, может жить практически в любых климатических условиях и приспосабливаться к ним, и вряд ли найдется такое психическое состояние, которого он не мог бы вынести и в котором не способен был бы жить. Он может быть свободным или рабом,

¹⁸ Я провел специальный эксперимент с разными группами выпускников колледжа, которым было предложено представить себе, что им надо пробыть три дня в одиночестве в своей комнате без радио и развлекательной литературы, правда при наличии «хороших» книг, нормального питания и всего необходимого для физического комфорта. Молодых людей попросили представить себе, какова была бы их реакция на подобный эксперимент. Приблизительно 90 % ответов в каждой группе показали реакцию, колеблющуюся от чувства неудержимой паники до крайне тягостного ощущения; возможные пути преодоления такого мучительного состояния молодые люди видели в продолжительном сне, выполнении разного рода мелких домашних дел, сопровождаемом нетерпеливым ожиданием конца назначенного срока. И лишь незначительное меньшинство ответили, что чувствовали бы себя легко и с удовольствием провели бы время наедине с собой. (Примеч. автора).

жить в богатстве и роскоши или влачить полуголодное существование, может вести мирную жизнь или жизнь воина, быть эксплуататором и грабителем или членом братства, связанного узами сотрудничества и любви. Едва ли существует психическое состояние, в котором человек не мог бы жить, и вряд ли есть что-нибудь такое, чего нельзя было бы сделать с человеком или для чего его нельзя было бы использовать. Казалось бы, все эти соображения подтверждают предположение о том, что нет единой человеческой природы, а это фактически означало бы, что «человек» существует не как вид, а только как физиологическое и анатомическое существо.

Однако несмотря на всю очевидность такого заключения, история человека показывает, что мы упустили из виду одно обстоятельство. Правящие клики и тираны могут преуспеть в подчинении себе своих собратьев и в их эксплуатации, но они бессильны воспрепятствовать их реакции на бесчеловечное обращение. Подвластные им люди становятся запуганными, подозрительными, одинокими. Падение таких режимов происходит не только под воздействием внешних причин, но до некоторой степени и вследствие того, что страхи, подозрительность и одиночество рано или поздно лишают большинство людей способности разумно и эффективно действовать. Целые народы или отдельные социальные группы можно длительное время поработать и эксплуатировать, но они соответственно реагируют на это. В качестве ответной реакции у них развивается апатия и наблюдается такая деградация умственных способностей, инициативности и мастерства, что они постепенно утрачивают способность выполнять функции, необходимые для их правителей; случается, что у них накапливается столько ненависти и желания разрушать, что они готовы уничтожить самих себя, своих правителей и существующий режим. С другой стороны, у них может возникнуть такое чувство независимости и стремление к свободе, что их творческий порыв становится основой для создания нового, более совершенного общества. Какова будет реакция, зависит от многих факторов – экономических, политических, а также от того духовного климата, в котором живут люди. Но какой бы ни была ответная реакция, утверждение, что человек может жить почти в любых условиях, правильно лишь отчасти; к нему требуется дополнение: если человек живет в условиях, противных его природе, основным требованиям его развития и душевного здоровья, он не может не реагировать на них; он вынужден либо деградировать и погибнуть, либо создать условия, более согласующиеся с его потребностями.

Предположение о том, что требования человеческой природы и общества могут войти в конфликт друг с другом и что, следовательно, общество в целом может быть больным, было совершенно недвусмысленно высказано Фрейдом¹⁹, наиболее обстоятельно оно изложено в его работе «Неудовлетворенность культурой»²⁰.

Фрейд исходил из того, что природа человека является общей для человеческого рода во все времена и во всех культурах и что ей присущи определенные потребности и устремления, которые могут быть установлены. Он считал, что культура и цивилизация по мере своего развития все больше противоречат нуждам человека. Эта точка зрения привела его к понятию «социальный невроз». Он писал: «Если эволюция цивилизации обнаруживает столь далеко идущее сходство с развитием индивида и если в обоих случаях применимы одни и те же методы, не получим ли мы подтверждения диагноза, свидетельствующего, что под давлением цивилизующих тенденций многие системы (или эпохи) цивилизации, – а возможно, и все человечество

¹⁹ Фрейд Зигмунд (1856–1939) – австрийский психиатр и психолог, основатель психоаналитического направления в психологии, в учении о неврозах и методах их лечения. В основе теории Фрейда лежит понятие бессознательных влечений, преимущественно сексуальных, энергия которых, по Фрейду, обеспечивает всю человеческую жизнедеятельность. Если удовлетворение влечений несовместимо с требованиями общества, влечения вытесняются в бессознательное. Возникает душевный конфликт, приводящий к психоневрозу. В работе «Недовольство культурой» Фрейд показал, что подлинной причиной подобного конфликта может стать бесчеловечность общества, игнорирование им потребностей человека.

²⁰ Название данной работы переводилось на русский язык и как «Неудовлетворенность культурой» в приложении к брошюре Р. Ф. Додельцева «Концепция культуры З. Фрейда», М., «Знание», 1989 (перевод автора брошюры), и как «Недовольство культурой» в сб.: Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М., «Ренессанс», 1992 (перевод А. М. Руткевича).

– приобрели «невротический» характер? За аналитическим разбором этих неврозов могли бы последовать врачебные рекомендации, представляющие большой практический интерес. Я бы не сказал, что подобная попытка применить психоанализ к цивилизованному обществу – такая уж причуда, обреченная на бесплодие. Однако нам следует быть предельно осмотрительными и не забывать, что в конце концов мы имеем дело всего лишь с аналогиями и что не только людей, но и понятия опасно вырывать из той сферы, где они родились и сформировались. Более того, диагноз *коллективного невроза* столкнется с особыми трудностями. При индивидуальном неврозе мы можем принять за исходный момент противопоставление больного и его окружения, которое мы считаем «здоровым». В распоряжении общества, пораженного аналогичным недугом, такого «фона» нет, поэтому его придется чем-то заменить. Что же касается любого применения наших знаний в лечебных целях, то какой может быть толк в самом тщательном анализе социальных неврозов, если никто не властен заставить общество лечиться? Однако несмотря на все трудности, можно рассчитывать, что наступит день, когда кто-нибудь отважится на такое *исследование патологии цивилизованных сообществ*»²¹.

В настоящей книге я как раз и отваживаюсь на подобное исследование. В основу положена идея о том, что здоровым является общество, соответствующее потребностям человека, – не обязательно тому, что ему кажется его потребностями, ибо даже наиболее патологические цели субъективно могут восприниматься как самые желанные; но тому, что объективно является его потребностями, которые можно определить в процессе изучения человека. Таким образом, наша первая задача заключается в том, чтобы установить, что представляет собой природа человека и какие потребности вытекают из нее. Затем нам предстоит рассмотрение роли общества в становлении человека, исследуя как благотворное влияние общественной жизни на человеческое развитие, так и периодически возникающие конфликты между природой человека и обществом, а также последствия этих конфликтов, особенно в современном обществе.

²¹ Freud S. Civilization and Its Discontents. Translated from the German by J. Riviere. The Hogarth Press, Ltd. London, 1953. P. 141–142. (*Курсив мой.* – Э.Ф.). (*Примеч. автора.*)

Глава III

Положение человека – ключ к гуманистическому психоанализу²²

Положение человека

По своему физическому строению и физиологическим функциям человек принадлежит к миру животных. Поведение животных определяется инстинктами, т. е. специфическими образцами действий, которые, в свою очередь, обусловлены наследуемыми нейробиологическими структурами. Чем выше уровень развития животного, тем податливее его модели поведения и тем незавершеннее структурное приспособление, которое мы видим у него при рождении. У высших приматов наблюдается даже изрядная сообразительность, т. е. способность использовать мышление для достижения желаемого, что дает животному возможность выйти далеко за пределы образцов поведения, предопределяемых инстинктами. Но как бы ни был высок уровень развития у животного, некоторые основные элементы его существования остаются неизменными.

Жизнь животного, так сказать, «проживается» по биологическим законам природы; оно остается частью природы и никогда не выходит за ее пределы. У животного нет морального сознания, нет самосознания и осознания своего существования; у него нет разума, если понимать под разумом способность проникать в глубь явлений, воспринимаемых чувствами, и постигать суть, скрытую за поверхностью. Поэтому у животного нет представления об истине, хотя может быть представление о том, что для него полезно.

Животное существует в гармонии с природой, – конечно, не в том смысле, что природные условия ничем ему не угрожают и не принуждают его к ожесточенной борьбе за выживание, а в том, что природа обеспечивает животное всем необходимым для преодоления обстоятельств, с которыми ему приходится сталкиваться, точно так же, как семя растения оснащено природой для использования почвенных, климатических и других условий, к которым оно адаптировалось в процессе эволюции.

В определенный момент эволюции животных произошел уникальный прорыв, сравнимый с возникновением материи, с зарождением жизни, с первым появлением живого существа. Это событие могло произойти, когда в ходе эволюции действие перестало определяться преимущественно инстинктом; когда природная адаптация потеряла принудительный характер; когда действие уже перестало быть закрепленным наследственно передаваемыми механизмами. Когда животное возвысилось над природой и, преодолевая чисто пассивную роль «твари», стало (с точки зрения биологии) самым беспомощным животным, – *произошло рождение человека*. В этот момент животное освободилось от природы, приняв вертикальное положение, его головной мозг развился намного больше, чем у высших животных. Это рождение человека, возможно, длилось сотни тысяч лет; здесь важно другое – возникновение нового вида, возвысившегося над природой, важно, что *жизнь осознала самое себя*.

²² Гуманистический психоанализ – название, введенное Э. Фроммом для той ветви психоанализа, которую он сам представляет. Этим названием Фромм подчеркивает, во-первых, то, что его собственное учение опирается на идеи З. Фрейда о происхождении неврозов; во-вторых, то, что он переосмыслил учение Фрейда в духе гуманизма, утверждая, что общество должно приспосабливаться к потребностям личности в целях ее дальнейшего развития, в противовес не критическим последователям Фрейда, истолковавшим учение последнего в том духе, что человека нужно приспосабливать к требованиям общества.

Самосознание, разум и воображение разрушили «гармонию», свойственную животному существованию. Их появление превратило человека в аномалию, в причуду мироздания. Человек – часть природы, он подчинен ее физическим законам и не может изменить их, но тем не менее он выше остальной природы. Человек, будучи частью целого, оказывается отделенным от него; он бездомен – и в то же время прикован цепями к дому, общему для него со всеми живыми существами. Зброшенный в этот мир в случайном месте и в случайное время, он изгоняется из него опять-таки по воле случая. Обладая самосознанием, он сознает собственное бессилие и ограниченность своего существования. Он предвидит собственный конец – смерть. Человек никогда не бывает свободен от двойственности своего существования: он не может освободиться от разума, даже если бы он этого захотел; он не может освободиться от своего тела, пока он жив, – а тело заставляет его хотеть жить.

Разум – благословение человека – оказывается в то же время его проклятием; он заставляет человека вечно искать решение неразрешимой дихотомии. В этом отношении жизнь человека отличается от существования всех других живых существ; она протекает в условиях постоянной и неизбежной неуравновешенности. Человеческую жизнь нельзя прожить путем простого повторения образцов поведения, свойственных виду; человек должен жить *сам*. Он – единственное животное, которое может *тосковать*, может чувствовать себя изгнанным из рая; единственное животное, считающее собственное существование проблемой, которую ему надо решить и от которой не уйти. Он не может вернуться к предчеловеческому состоянию гармонии с природой; человеку придется продолжать развивать свой разум, прежде чем он сможет стать хозяином природы и самого себя.

Однако как в онтогенетическом²³, так и в филогенетическом²⁴ планах рождение человека – явление в основном негативное. Человеку недостает инстинктивного приспособления к природе, ему не хватает физической силы, при рождении он наиболее беспомощное из всех животных и нуждается в защите гораздо дольше, чем любое из них. Утратив единство с природой, он не приобрел нового способа существования вне ее. Его разум пребывает в зачаточном состоянии, у него нет ни знания природных процессов, ни инструментов для замены утраченных инстинктов; он живет, разделившись на небольшие группы, не понимая ни себя, ни других; воистину, в библейском мифе о Рае ситуация изображена с предельной ясностью: человек, живущий в садах Эдема в полной гармонии с природой, но не осознающий себя, начинает свою историю первым актом свободы – неповиновением воле Всевышнего. Этому сопутствует осознание им самого себя, своей обособленности и беспомощности; Бог изгоняет его из Рая, и два херувима с огненными мечами преграждают ему путь назад.

Эволюция человека основана на утрате им своего изначального дома – Природы – и невозможности снова вернуться к нему, невозможности снова стать животным. У него есть только один путь: окончательно выйти из своего дома – Природы – и обрести новое пристанище, которое он создает, очеловечивая мир и становясь человеком в полном смысле слова.

При рождении человек (будь то отдельный индивид или весь человеческий род) исторгается из состояния определенности, где все было таким же заранее заданным, как инстинкты, и ввергается в состояние неопределенности, неизвестности и незащитности. Известно лишь прошлое, в будущем же несомненно только одно – смерть, которая в действительности представляет собой возвращение к прошлому – к неорганическому состоянию материи.

Таким образом, проблема человеческого существования совершенно уникальна по своей природе: вроде человек вышел из природы – и все же пребывает в ней; он – отчасти божество, отчасти – животное, он и бесконечен, и ограничен. *Необходимость вновь и вновь разрешать*

²³ Онтогенетический, онтогенез (*греч.* on,ontos – род, сущее; genesis – происхождение, возникновение) – совокупность преобразований, претерпеваемых организмом от рождения до конца жизни.

²⁴ Филогенетический, филогенез (*греч.* philos – род, племя; genesis – происхождение, возникновение) – процесс исторического развития всего мира организмов, их видов, родов и т. д.

противоречия своего существования, находить все более высокие формы единства с природой, своими собратьями и самим собой – вот источник всех душевных сил, движущих человеком, источник всех его страстей, аффектов²⁵ и стремлений.

Животное удовлетворено, когда утолены его физиологические потребности – голод, жажда, сексуальное влечение. В той мере, в какой человек – тоже животное, эти потребности и для него носят императивный²⁶ характер и должны удовлетворяться. *Но в той мере, в какой он очеловечен, удовлетворения этих инстинктивных потребностей недостаточно не только для его счастья, но даже и для его душевного здоровья; в этой-то уникальности положения человека и заключена Архимедова²⁷ точка специфически человеческого динамизма; и осмысление человеческой психики должно быть основано на анализе потребностей человека, вытекающих из условий его существования.*

Следовательно, как весь человеческий род, так и каждый индивид вынуждены решать проблему собственного рождения. Физическое рождение отдельного человека отнюдь не является таким решающим и исключительным событием, каким кажется. Конечно, оно знаменует собой важный переход от внутриутробного существования к жизни вне утробы матери, но во многих отношениях ребенок и после рождения остается таким же, каким был до него: он не может различать окружающие его предметы, не может сам есть; он полностью зависит от матери и без ее помощи погиб бы. По существу, процесс рождения продолжается. Ребенок начинает узнавать предметы внешнего мира, эмоционально реагировать на внешние воздействия, брать в руки вещи, координировать свои движения, ходить. Но рождение все еще продолжается. Ребенок учится говорить, пользоваться вещами, познает их назначение, учится вступать в отношения с другими людьми, избегать наказания и заслуживать расположение и похвалу. Подрастающий человек понемногу учится любить, развивать свое мышление, объективно смотреть на мир. Он начинает набирать силы, чувствовать себя личностью, учится преодолевать во имя сохранения целостности жизни соблазны, порождаемые чувствами. Таким образом, рождение – в общепринятом значении этого слова – всего лишь начало рождения в более широком смысле. Вся жизнь индивида есть не что иное, как процесс рождения самого себя. По существу, мы должны бы полностью родиться к моменту смерти, но судьба большинства людей трагична: они умирают, так и не успев родиться.

Из всего, что нам известно об эволюции человеческого рода, рождение человека (как родового существа) следует понимать точно так же, как и рождение индивида. Когда человек преодолел определенный минимум инстинктивного приспособления к окружающей среде, он перестал быть животным, но остался при этом таким же беспомощным и не подготовленным к человеческому существованию, как ребенок в момент рождения. Рождение человека началось с появления первых представителей вида *homo sapiens*²⁸, а история человечества – это не что иное, как весь процесс этого рождения. Человеку понадобились сотни тысяч лет для того, чтобы вступить в человеческую жизнь. Он прошел нарциссическую²⁹ стадию, для которой характерна вера во всемогущество магии, стадию тотемизма³⁰, поклонения природе,

²⁵ Аффект (*лат. affectus* – душевное волнение, страсть) – бурная кратковременная эмоция (гнев, ужас), возникающая, как правило, в ответ на сильный раздражитель.

²⁶ Императивный, императив (*лат. imperativus* – повелительный) – настоятельно необходимый, обязательный.

²⁷ Архимедова точка – образное выражение, ведущее свое происхождение от слов древнегреческого математика и физика Архимеда (287–212 гг. до н. э.), который, открыв законы действия рычага, воскликнул: «Дайте мне точку опоры, и я переверну мир!» В переносном смысле наиболее существенный, ключевой момент чего-либо.

²⁸ *Homo sapiens* (*лат.*) – человек разумный.

²⁹ Нарциссический – по имени персонажа греческой мифологии прекрасного юноши Нарцисса, который, по преданию, увидев свое отражение в реке, влюбился в него и умер от любви. В психоанализе под нарциссизмом понимается состояние человека (особенно ребенка), при котором его влечения направлены на него самого.

³⁰ Тотемизм – форма религии раннеродового строя, характеризующая верой в сверхъестественную связь и кровную близость данной родовой группы с каким-либо тотемом – животным или растением (реже – явлением природы или неодушевленным

прежде чем в нем начали формироваться совесть, объективность, братская любовь. За последние четыре тысячи лет своей истории он выработал представления о человеке, родившемся и пробудившемся в полной мере. Эти представления были изложены (без заметных различий) великими учителями человечества в Египте, Китае, Индии, Палестине, Греции и Мексике.

То обстоятельство, что рождение человека первоначально было актом отрицания (отторжение от изначального единства с природой, невозможность возвращения к своим истокам), означает, что процесс рождения отнюдь не прост. Пугает каждый шаг на пути в новое человеческое существование. Он всегда означает отказ от безопасного, сравнительно знакомого состояния ради нового, еще не освоенного. Если бы в момент перерезывания пуповины ребенок мог думать, он, несомненно, испытал бы страх смерти. Заботливая судьба ограждает нас от этого первого панического страха. Но при каждом следующем шаге, на каждом новом этапе нашего рождения мы всякий раз испытываем страх. Мы никогда не бываем свободны от двух противоборствующих стремлений: одно из них направлено на освобождение из материнского лона, на переход от животного образа жизни к очеловеченному существованию, от зависимости к свободе; другое нацелено на возвращение в утробу матери, на возвращение к природе, определенности и безопасности. В истории отдельных индивидов и всего человеческого рода прогрессивная тенденция доказала, что она сильнее; однако феномен душевных заболеваний и возврата человечества к состоянию, казалось бы, преодоленному предыдущими поколениями, свидетельствует о напряженной борьбе, которая сопровождает каждый новый шаг рождения³¹.

ленным предметом), которые у родовых групп служили объектом религиозного почитания и окружались системой запретов.

³¹ Именно в этой полярности я вижу рациональное зерно Фрейдовой гипотезы о существовании инстинкта жизни и инстинкта смерти; в отличие от Фрейда, я считаю, что прогрессивный и ретрогрессивный импульсы не обладают равной биологически заданной силой; в нормальных условиях устремленный в будущее инстинкт жизни оказывается сильнее, и сравнительная сила этого инстинкта возрастает по мере его развития. (Примеч. автора).

Потребности человека, вытекающие из условий его существования

Жизнь человека определяется неизбежной альтернативой между движением вспять и прогрессом, между возвращением к животному существованию и достижением человеческого бытия. Любая попытка возврата болезненна, она неизбежно ведет к страданию, психическим заболеваниям и смерти – либо физиологической, либо психической (безумию). Каждый шаг вперед также вызывает страх и причиняет боль – до тех пор, пока страх и сомнения не будут сведены до минимума. Кроме физиологически обусловленных потребностей (голод, жажда, сексуальные потребности), все основные стремления человека определяются этой полярностью. Человек должен решать проблему; он ни за что не сможет остаться в предлагаемой ему ситуации пассивного приспособления к природе. Даже наиболее полное удовлетворение всех его инстинктивных потребностей не решает его человеческой проблемы; самые сильные страсти и потребности человека коренятся не в его теле, а в специфике его существования.

Здесь же находится и ключ к гуманистическому психоанализу. Занявшись поиском основной силы, движущей человеческими страстями и желаниями, Фрейд решил, что нашел ее в либидо³². Но как бы ни были сильны сексуальное влечение и все производные от него побуждения, они ни в коем случае не самые могущественные силы в человеке, а их неудовлетворенность не приводит к психическому расстройству. Наиболее мощные силы, определяющие поведение человека, берут начало в условиях его существования, в самом положении человека.

Человек не может жить в состоянии покоя из-за внутренних противоречий, побуждающих его искать равновесие, новую гармонию взамен утраченной гармонии животного с природой. После удовлетворения животных потребностей им движут человеческие потребности. В то время как тело подсказывает ему, чем питаться и чего избегать, его совесть должна была бы подсказывать ему, какие потребности следует культивировать и удовлетворять, а каким надо позволить истощиться и зачахнуть. Но голод и аппетит – это функции тела, присущие человеку с рождения, тогда как совесть, заложенная в нем потенциально, нуждается в руководстве со стороны людей, а также принципов, становление которых происходит только в процессе развития культуры.

Все страсти и стремления человека – это попытки разрешить проблему его существования или, другими словами, попытки избежать психического нездоровья. (Между прочим, можно заметить, что действительная проблема психической жизни заключается не столько в том, почему некоторые люди становятся душевнобольными, сколько в том, почему большинству удается избежать этого.) И психически здоровый человек, и невротик – оба движимы потребностью разрешить эту проблему, с той только разницей, что ответ одного больше согласуется со всей совокупностью человеческих потребностей и, следовательно, в большей степени благоприятствует раскрытию его возможностей и его счастью, чем ответ другого. В каждом обществе предусмотрена стандартизированная система, в которой преобладают определенные решения и, соответственно, определенные стремления и способы их удовлетворения. Имеем ли мы дело с примитивными, теистическими или нетеистическими религиями, – все они представляют собой попытку разрешить проблему человеческого существования. Как самые утонченные, так и самые варварские культуры выполняют одну и ту же функцию; различие состоит только в том, лучше или хуже их решение (ответ). Человек, отступающий от предлагаемого культурой образца, точно так же ищет решение, как и его более удачно приспособившийся собрат. Его решение может быть лучше или хуже того, которое предлагает культура, но оно

³² Либидо (*лат. libido* – влечение, желание) – одно из основных понятий психоанализа Фрейда, обозначающее все проявления энергии сексуальных влечений.

всегда будет еще одним ответом на все тот же основной вопрос, поставленный самим фактом человеческого существования. В этом смысле все культуры религиозны, а каждый невроз есть частный случай религии, при условии, что под религией мы понимаем попытку разрешить проблему человеческого существования. Разумеется, огромную энергию сил, вызывающих психические заболевания, равно как сил, скрытых за явлениями искусства и религии, ни в коем случае нельзя считать результатом неудовлетворенных или сублимированных³³ физиологических потребностей; эта энергия обусловлена стремлением решить проблему, как завершить рождение собственно человека. Все люди – идеалисты и не могут ими не быть, если под идеализмом мы подразумеваем стремление к удовлетворению специфически человеческих потребностей, превосходящих физиологические потребности организма. Единственная разница состоит в том, что одна разновидность такого идеализма предоставляет нам удачное и приемлемое решение, а другая – неудачное и пагубное. Что удачно, а что – нет, следует оценивать, опираясь на наше знание человеческой природы и законов, которые управляют ее развитием.

Что же представляют собой потребности и страсти, берущие начало в самом существовании человека?

А. Приобщенность в противовес нарциссизму

Человек вырван из первоначального единства с природой, свойственного животному существованию. При этом, будучи наделен разумом и воображением, он осознает свое одиночество и изолированность, свое бессилие и невежество, случайность своего рождения и смерти. Он не вынес бы ни минуты такого существования, если бы не мог найти новых связей со своими собратьями взамен прежних, регулировавшихся инстинктами. Даже при полном удовлетворении физиологических потребностей человек воспринимал бы свое состояние одиночества и отделенности как тюрьму, из которой он должен вырваться, чтобы сохранить душевное здоровье. И в самом деле, индивид, потерпевший полную неудачу в попытках приобщиться хоть к чему-нибудь, т. е. как бы пребывающий в заключении, даже не находясь за решеткой, – психически нездоров. Необходимость единения с другими живыми существами, приобщенности к ним является настоящей потребностью, от удовлетворения которой зависит психическое здоровье человека. Эта потребность кроется за всеми явлениями, составляющими целую гамму человеческих страстей и близких отношений, которые называют любовью в самом широком смысле слова.

Есть несколько путей для поисков и достижения такого единения. Человек может попытаться обрести единство с миром, *подчиняясь* отдельной личности, группе, организации, Богу. Таким образом он преодолевает изолированность своего индивидуального существования, становясь частью кого-то или чего-то большего, нежели он сам, и испытывает чувство тождественности благодаря приобщению к силе, которой он подчинил себя. Другая возможность преодоления обособленности имеет противоположную направленность: человек может постараться достичь единства с миром при помощи власти над ним, превращая других в часть самого себя, выходя за пределы своего индивидуального существования посредством господства. Общим для подчинения и господства является то, что приобщенность в обоих случаях выступает как симбиоз³⁴. Оба участника подобных отношений утрачивают свою целостность и свободу: они зависят друг от друга и живут один за счет другого, удовлетворяя свое стремление к близким отношениям, но страдая от недостатка внутренней силы и уверенности в себе, для обретения которых нужны свобода и независимость; кроме того, им постоянно грозит опасность осознан-

³³ Сублимация (*лат.* sublimatio – возвышение) – в психоанализе психический процесс преобразования и переключения энергии бессознательных влечений на цели социальной и творческой деятельности.

³⁴ Симбиоз (*греч.* symbiosis – сожительство) – формы тесного сожительства двух организмов разных видов, включая паразитизм.

ной или неосознанной враждебности, которая обязательно возникает при отношениях симбиоза³⁵. Реализация стремления к подчинению (мазохистская³⁶ тенденция) или стремления к господству (садистская³⁷ тенденция) никогда не приносит удовлетворения. Этим стремлениям присущ динамизм самодвижения, и, поскольку любая степень подчинения или господства (или обладания, или славы) всегда оказывается недостаточной, чтобы дать человеку чувство тождественности и единения, он добивается все большего и большего. В конечном итоге подобные стремления приводят к крушению. Иначе и быть не может: будучи направлены на достижение чувства единения, они разрушают чувство целостности. Человек, движимый одним из этих стремлений, по существу становится зависимым от других людей; вместо того чтобы развивать свою индивидуальность, он попадает в зависимость от тех, кому подчиняется или над кем господствует.

Существует только одно чувство, удовлетворяющее человеческую потребность в единении с миром и вместе с тем дающее ему ощущение целостности и индивидуальности, – *любовь*. *Любовь – это объединение с кем-либо или чем-либо вне самого себя при условии сохранения обособленности и целостности своего собственного Я*. Это переживание причастности и общности, позволяющее человеку полностью развернуть свою внутреннюю активность. Переживание любви делает ненужными иллюзии. Отпадает потребность преувеличивать значение другого человека или свою собственную значимость, поскольку подлинная сущность активной причастности и любви позволяет преодолеть ограниченность своего индивидуального существования и в то же время ощутить себя носителем активных сил, которые и составляют акт любви. Главным при этом является особое *свойство* любви, а не ее объект. Любовь заключается в переживании человеческой солидарности с нашими ближними, она находит выражение в эротической любви мужчины и женщины, в любви матери к ребенку, а также в любви к самому себе как человеческому существу, она состоит в мистическом переживании единения. В акте любви Я един со Всем, но остаюсь при этом самым собой – неповторимым, отдельным, ограниченным, смертным человеческим существом. Именно это единство полярных противоположностей – отдельности и единения – является источником, дающим жизнь любви и возрождающим ее.

Любовь составляет один из аспектов того, что я назвал продуктивной ориентацией: активная и творческая связь человека со своим ближним, с самим собой и с природой. В области *мышления* продуктивная ориентация выражается в разумном постижении мира. В области *действий* эта ориентация выражается в созидательном труде, прототипом которого являются искусство и ремесло. В области *чувств* она проявляется в любви, т. е. в переживании единения с другим человеком, со всеми людьми и природой при условии сохранения чувства собственной целостности и независимости. В переживании любви имеет место парадоксальное явление, когда двое образуют одно целое, оставаясь в то же время двумя отдельными людьми. В этом смысле любовь никогда не ограничивается одним человеком. Если я могу любить только одного человека и никого другого, если любовь к нему усиливает мою отчужденность и отдаляет от других, то какие бы узы ни связывали меня с этим человеком, мое отношение к нему не есть любовь. Словами «Я люблю тебя» я говорю: «Я люблю в тебе все человечество, все живое;

³⁵ Более детальный анализ отношений симбиоза см. в книге: Fromm E. *Escape from Freedom*. Rinehart & Company, Inc. New York. P. 141 ff. (*Примеч. автора*). На русском языке см.: Фромм Э. *Бегство от свободы*. М., «Прогресс», 1990. С. 137–139. (*Примеч. отв. ред.*).

³⁶ Мазохизм – половое извращение, при котором для достижения оргазма необходимо испытывать физическую боль или моральное унижение, причиняемые партнером. Названо по имени австрийского писателя Л. Захер-Мазоха (XIX в.), описавшего это явление. Фромм толкует мазохизм расширительно как способность человека испытывать удовольствие от причиненного ему страдания – морального или физического.

³⁷ Садизм – половое извращение, при котором для полного удовлетворения полового влечения необходимо причинить партнеру боль, страдание. Названо по имени французского писателя де Сада (XVIII в.), описавшего это явление. Фромм рассматривает садизм как способность наслаждаться чужими страданиями.

я люблю в тебе и себя самого». Любовь к себе в этом смысле противоположна эгоизму, который фактически представляет собой всепоглощающую сосредоточенность на самом себе, возникающую вследствие недостатка подлинной любви к себе и служащую ее заменой. Как это ни парадоксально, любовь делает меня более независимым, потому что благодаря ей я становлюсь сильнее и счастливее, и в то же время она настолько объединяет меня с любимым человеком в одно целое, что порой создается впечатление утраты индивидуальности. В любви я испытываю ощущение: «я – это ты», где «ты» – любимый человек, первый встречный, все живое. В переживании любви заключена высшая форма ответа на проблему человеческого бытия, оно является залогом душевного здоровья.

Продуктивная любовь всегда предполагает целый комплекс отношений: *заботу, ответственность, уважение и знание*³⁸. Если я люблю человека, я забочусь о нем, т. е. проявляю активную заинтересованность в его развитии и счастье, а не пассивно наблюдаю. Я чувствую свою ответственность; это значит, я отзываюсь на его нужды – и на те, которые он может выразить, и еще больше на те, которые он не может или не хочет обнаруживать. Я уважаю его; это означает, что я воспринимаю его объективно, таким, какой он есть, и мое представление о нем не искажено моими желаниями и опасениями. Я знаю его, я проник сквозь поверхность к самой сердцевине его существа, и моя привязанность к нему исходит из сердцевины, из глубины (в отличие от внешней стороны) моей натуры³⁹.

Продуктивную любовь к равным себе можно назвать *братской любовью*. В *материнской любви* (по-еврейски: *rachamim* от *rechem* – утроба) отношения между матерью и ребенком носят характер неравенства: ребенок беспомощен и зависим от матери. Чтобы развиваться, он должен становиться все более независимым, пока, наконец, совсем не перестанет нуждаться в матери. Поэтому отношения матери и ребенка парадоксальны и в определенном смысле трагичны. Они требуют от матери самой сильной любви, но именно эта любовь должна помочь ребенку вырасти и отделиться от матери, стать полностью независимым. Любой матери легко любить ребенка, пока не начался этот процесс отделения, но любить ребенка, и при этом позволить ему уйти, и *хотеть* отпустить его – с этой задачей большинство не в силах справиться.

В *эротической любви* (греч. *eros*, еврейское *ahawa* от корня, означающего «накал») заключено другое побуждение – стремление к слиянию и единству с другим человеком. В то время как братская любовь распространяется на всех людей, а материнская обращена к ребенку и всем тем, кто нуждается в нашей помощи, эротическая любовь направлена на одного человека, обычно другого пола, слияние и единство с которым нам желанны. Эротическая любовь начинается с разделенности и заканчивается единством; материнская любовь начинается единством и ведет к разъединению. Если бы потребность в слиянии реализовалась в материнской любви, это означало бы гибель ребенка как самостоятельного существа, так как ребенку нужно отделиться от матери, а не остаться связанным с ней. Если эротической любви недостает любви братской и ею движет *только* стремление к соединению, то это – сексуальное желание без любви или извращение, которое мы находим в садистских и мазохистских формах «любви».

Полностью понять потребность человека в причастности к чему-то мы сможем только в том случае, если учтем последствия, к которым ведет неудача в достижении любого вида общности, и поймем, что означает *нарциссизм*. Единственная реальность, которую может ощущать младенец, – это его тело и потребности – физиологические, а также потребность в тепле и любви. У него еще нет переживания Я, отдельного от Ты. Он все еще пребывает в состоянии единства с миром, но это – единство, предшествующее пробуждению у него чувства

³⁸ Более детальное изложение этих идей дается в моей работе: *Man for Himself*. Rinehart & Company, Inc. New York, 1947. P. 96 ff. (Примеч. автора). На русском языке см.: Фромм Э. Человек для самого себя // Фромм Э. Психопсихология и этика. М., «Республика», 1993. С. 85–93.

³⁹ Идентичность значения слов «любить» и «знать» видна в еврейском *jadoa* и в немецких *meinen* и *minnen*. (Примеч. автора).

индивидуальности и реализма. Внешний мир существует только как определенное количество еды и тепла, необходимое для удовлетворения его потребностей, а не как нечто (некто), узнаваемое реалистически и объективно. Фрейд назвал такую ориентацию «первичным нарциссизмом». При нормальном развитии состояние нарциссизма понемногу преодолевается благодаря все большему осознанию окружающей действительности и, соответственно, все большему осознанию Я, отличного от Ты. Это изменение происходит сначала на уровне чувственного восприятия, когда люди и предметы воспринимаются как разные и отделенные друг от друга объекты, – такое узнавание закладывает основу, на которой может развиваться речь; называние вещей предполагает узнавание их в качестве индивидуальных и отдельных объектов⁴⁰. Гораздо больше времени требуется для эмоционального преодоления состояния нарциссизма. Для ребенка до 7–8 лет другие люди существуют главным образом как средство удовлетворения его потребностей. Они взаимозаменяемы в той мере, в какой выполняют функцию удовлетворения этих потребностей; лишь в возрасте 8–9 лет ребенок начинает воспринимать другого человека так, что может полюбить, т. е., пользуясь формулировкой Г. С. Салливана⁴¹, почувствовать, что потребности другого человека так же важны, как его собственные^{42,43}. Первичный нарциссизм – обычное явление, соответствующее нормальному физиологическому и умственному развитию ребенка. Но нарциссизм встречается и в более поздние периоды жизни («вторичный нарциссизм», согласно определению Фрейда) – в тех случаях, когда у растущего ребенка не развилась способность любить или он утрачивает ее. Нарциссизм является глубинной основой всех тяжелых психических заболеваний.

Для человека, подверженного нарциссизму, существует только одна реальность – его собственные мыслительные процессы, чувства и потребности. Он не переживает или не воспринимает внешний мир *объективно*, т. е. как существующий со своими отношениями, условиями и потребностями. Крайние формы нарциссизма можно наблюдать во всех видах психической патологии. У душевнобольного человека утрачен контакт с миром; это человек, ушедший в себя, он не может воспринимать реальность – будь то реальность физического мира или мира людей – такой, *как она есть*. Его восприятие действительности обусловлено внутренними процессами и формируется ими. Он не реагирует на окружающий мир, а если и реагирует, то его реакция определяется не реальностью *этого мира*, а исключительно течением его собственных мыслей и чувств. Нарциссизм прямо противоположен объективности, разуму и любви.

Тот факт, что полная неудача в попытке соотнести себя с миром ведет к психическому заболеванию, указывает еще на одно обстоятельство: условием всякой психически здоровой жизни является достижение какой-нибудь формы приобщенности. Однако среди различных форм соотнесенности только продуктивная ее форма – любовь – позволяет человеку обрести единство с ближним и в то же время сохранить свою свободу и целостность.

⁴⁰ Ср. с обсуждением этой темы Жаном Пиаже в книге Piaget Jean. *The Child's Conception of the World*. Harcourt, Brace & Company, Inc. New York. P. 151. (Примеч. автора).

⁴¹ Салливан Гарри С. (1892–1949) – американский психолог, один из основателей неопрейдизма. Развил концепцию межличностных отношений, сводя при этом личность к сумме искаженных или фантастических образов («персонификаций»), возникающих, по его мнению, в процессе общения.

⁴² Ср. Sullivan H. S. *The Interpersonal Theory of Psychiatry*. Norton Co. New York, 1953. P. 49 ff. (Примеч. автора).

⁴³ Обычно ребенок испытывает такую любовь сначала к своим сверстникам, а не к родителям. Приятную мысль о том, что дети «любят» своих родителей прежде, чем они полюбят кого-нибудь еще, следует расценивать как одну из многочисленных иллюзий, порождаемых принятием желаемого за действительное. Для ребенка в этом возрасте отец и мать являются объектами скорее зависимости и страха, чем любви, которая по самой своей природе основана на равенстве и независимости. Любовь к родителям (если мы разграничиваем любовь, с одной стороны, и сильную, но пассивную привязанность, кровосмесительную фиксацию, благовоспитанную или почтительную покорность – с другой) развивается – если это вообще происходит – скорее не в детстве, а позднее, хотя при благоприятных условиях ее первые ростки могут обнаружиться и в более раннем возрасте. (Эта же точка зрения изложена несколько более резко в книге Г. С. Салливана «Межличностная теория психиатрии».) Однако многие родители не хотят мириться с этим обстоятельством; первые подлинно любовные привязанности ребенка вызывают у них обиду, проявляющуюся либо открыто, либо – что еще более действенно – в виде насмешек. Их осознанная или неосознанная ревность создает одно из самых мощных препятствий на пути развития у ребенка способности любить. (Примеч. автора).

Б. Преодоление и созидательность в противовес разрушительности

В положении человека есть еще одна сторона, тесно связанная с потребностью в соотнесенности, – то, что он – *существо сотворенное*, но у него есть потребность преодолеть это пассивное состояние. Человек заброшен в этот мир без его ведома, согласия или желания, и точно так же без его согласия или желания он устраняется из жизни. В этом отношении он не отличается от животных, растений или неорганической материи. Но, наделенный разумом и воображением, он не может довольствоваться пассивной ролью твари, ролью бросаемой наудачу игровой карты. Им движет настоятельная потребность выйти за пределы этой роли, подняться над случайностью и пассивностью своего существования, становясь «творцом».

Человек может создавать жизнь. Разумеется, это чудесное свойство присуще ему, как и всем живым существам, однако с той разницей, что он один осознает себя существом сотворенным и в то же время творцом. Человек может творить жизнь, точнее, женщина может создавать жизнь, производя на свет ребенка и заботясь о нем до тех пор, пока он не вырастет достаточно большим, чтобы самому заботиться о своих нуждах. Человек – мужчина и женщина – может творить, выращивая растения, производя материальные вещи, создавая предметы искусства, генерируя идеи, любя друг друга. В акте творчества человек выходит за пределы, предназначенные ему как твари, поднимается над пассивностью и случайностью своего существования, вступает в царство целеустремленности и свободы. Человеческая потребность преодолеть собственную ограниченность является одним из источников любви, равно как и искусства, религии и материального производства.

Созидание предполагает активность, заботу и любовь к созидаемому. Иначе, как может человек решить проблему преодоления своей ограниченности, если он не способен к созиданию и любви? *Но есть еще один способ удовлетворить потребность в преодолении ограниченности своего существования: если я не могу создавать жизнь, я могу уничтожить ее. Уничтожение жизни также дает мне возможность выйти за ее пределы.* Конечно, способность человека уничтожать жизнь столь же чудодейственна, как и его способность создавать ее, потому что жизнь – *единственное, в своем роде, необъяснимое чудо*. В акте разрушения человек ставит себя над жизнью, он преодолевает ограниченность, присущую ему как твари. Таким образом, стремление человека преодолеть собственную ограниченность ставит его перед решающим выбором между созиданием и разрушением, любовью и ненавистью. Жажда разрушения, которую мы находим в человеческой истории и которую мы с таким страхом наблюдаем в наше время, коренится в природе человека точно так же, как и стремление к созиданию. Утверждение, что человек способен развивать изначально заложенную в нем возможность любви и разума, не означает наивной веры в его добросердечность. Разрушительность – вторичная потенциальная возможность, коренящаяся в самом существовании человека и обладающая такой же силой и властью, как любая другая страсть⁴⁴. Однако – и это существенный момент в моих доводах – разрушительность – всего лишь альтернатива созидательности. Созидание и разрушение, любовь и ненависть не являются инстинктами, существующими независимо друг от друга. И то и другое служит ответом на одну и ту же потребность преодолеть ограниченность своего существования, и стремление к разрушению неизбежно возникает в тех случаях, когда не удовлетворяется стремление к созиданию. Удовлетворение потребности в созидании ведет к счастью, разрушительность – к страданию, и больше всех страдает сам разрушитель.

⁴⁴ Приведенная здесь формулировка не противоречит данной мной в книге «Человек для самого себя», где я писал: «Разрушительность есть результат непржитой жизни». В излагаемой здесь концепции преодоления ограниченности человеческого существования я пытаюсь показать более определенно, какой аспект непржитой жизни ведет к разрушительности. (Примеч. автора).

В. Укорененность и братство в противовес кровосмешению

Рождение человека как такового означает начало его исхода из природного дома, начало разрыва естественных связей. Однако этот-то разрыв связей и внушает страх: где окажется человек и кем он станет, если утратит свои природные корни? Он останется один, без дома, без корней; он не сможет вынести изолированности и беспомощности своего положения. Он сойдет с ума. Человек может обходиться без природных корней, только если он находит новые, человеческие корни, и, лишь найдя их, он может вновь почувствовать себя дома в этом мире. А раз так, то стоит ли удивляться, что мы находим в человеке глубокое и сильное стремление не разрывать природные узы, бороться против отторжения от природы, от матери, от уз крови и земли?

Простейшие природные узы – узы, связывающие ребенка с матерью. Ребенок начинает жизнь в лоне матери и находится там гораздо дольше, чем детеныши большинства животных. Даже после рождения ребенок остается физически беспомощным и полностью зависит от матери. Этот период беспомощности и зависимости продолжается опять-таки намного дольше, чем у любого из животных. В первые годы жизни ребенка не происходит еще полного отделения его от матери. От нее зависит удовлетворение всех его физиологических потребностей, а также жизненно важной потребности в тепле и любви; мать не только рождает ребенка, она продолжает давать ему жизнь. Ее забота о нем не зависит от того, делает ли что-либо для нее ребенок и выполняет ли он какие-нибудь обязанности; она ничем не обусловлена. Забота матери вызвана тем, что новое создание – ее дитя. В эти первые решающие годы жизни ребенка мать в его представлении – источник жизни, всеобъемлющая, защищающая и питающая сила. Мать – это питание, любовь, тепло, земля. Быть любимым ею значит быть живым, иметь корни и чувство дома.

Подобно тому как рождение означает, что ребенок вынужден расстаться с обволакивающей защитой материнского лона, взросление означает, что он должен покинуть сферу материнской защиты. Тем не менее даже в зрелом возрасте никогда полностью не проходит тоска по этому некогда ощущавшемуся состоянию, несмотря на то что существует, конечно, большая разница между взрослым и ребенком. Взрослый имеет возможность быть самостоятельным, самому о себе заботиться, отвечать за себя и даже за других, в то время как ребенок еще не способен на все это. Однако если принять во внимание возросшую сложность жизни, отрывочность наших знаний, случайности, которыми изобилует жизнь взрослых, а также неизбежно совершаемые ошибки, то окажется, что положение взрослого не так уж сильно отличается от положения ребенка, как это принято считать. Каждый взрослый испытывает потребность в помощи, сердечном тепле и защите. И хотя потребность взрослого в этом аспекте во многом иная, чем ребенка, тем не менее они сходны. Стоит ли удивляться в таком случае, что у рядового взрослого человека обнаруживается глубокая тоска по безопасности и укорененности, которые когда-то давала ему связь с матерью? Не следует ли ожидать, что он не сможет избавиться от этой сильной тоски до тех пор, пока не найдет других способов укорениться?

В психопатологии мы сталкиваемся с большим количеством случаев подобного нежелания расстаться с всеобъемлющей сферой материнского влияния. В крайних формах патологии мы находим сильное стремление вернуться в материнское лоно. У человека, полностью поглощенного таким желанием, наблюдается шизофрения⁴⁵. Такой человек чувствует и действует, как плод в утробе матери, он не способен выполнять даже простейшие действия маленького ребенка. При многих довольно тяжелых неврозах мы видим то же стремление, но уже

⁴⁵ Шизофрения (*греч.* schizo – раскалываю; phren – душа, ум, рассудок) – психическое заболевание, характеризующееся расщеплением личности и отрывом психики от внешнего мира. Сопровождается бредом, галлюцинациями, неоправданным возбуждением.

в форме вытесненного желания, проявляющегося только в снах, симптомах и невротическом поведении, которые являются результатом конфликта между сильным желанием остаться в лоне матери и взрослой частью личности, стремящейся жить нормальной жизнью. В снах это стремление проявляется в виде символов, когда человек видит себя в темной пещере, в одной-местной подводной лодке, погружающейся глубоко в воду, и т. д. В поведении такого человека обнаруживаются страх перед жизнью и глубокая зачарованность смертью (которая в снах предстает как возвращение в материнское лоно, к Матери-Земле).

Менее тяжелую форму фиксации⁴⁶ на матери мы находим в тех случаях, когда человек как бы позволил себе родиться, но боится сделать следующий шаг в процессе рождения, боится, что его отнимут от материнской груди. Люди, задержавшиеся на этой стадии рождения, испытывают сильную потребность в том, чтобы к ним относились по-матерински, чтобы с ними нянчились, чтобы их по-матерински опекали; это люди, вечно зависимые; лишенные материнской защиты, они оказываются во власти страха и неуверенности, зато при наличии – действительном или воображаемом – любящей матери или кого-нибудь, заменяющего ее, они полны оптимизма и активности.

Такие патологические явления в жизни человека имеют свои параллели в эволюции человечества. Наиболее отчетливо это проявилось в универсальности запрета на кровосмешение, который мы находим даже в самых примитивных обществах. Запрет на кровосмешение – необходимое условие всякого человеческого развития, но дело тут не в сексуальной, а в эмоциональной стороне проблемы. Чтобы родиться и развиваться, человек должен разорвать пуповину: ему надо преодолеть в себе стремление сохранить связь с матерью. Сила кровосмесительного желания объясняется не сексуальным влечением к матери, а затаенным стремлением остаться во всеобъемлющем материнском лоне или вернуться в него, вернуться к всепитающей материнской груди. Запрет на кровосмешение есть не что иное, как два херувима с огненными мечами, охраняющие врата Рая и не дающие человеку вернуться к доиндивидуальному существованию в единстве с природой.

Однако проблема кровосмешения не ограничена фиксацией на матери. Узы, связывающие человека с матерью, представляют собой лишь простейшую форму природных кровных связей, обеспечивающих человеку чувство укорененности и принадлежности к чему-либо. Узы крови распространяются на тех, кто связан между собой кровным родством, по какой бы системе ни определялись отношения родства. Семья и род, а позднее государство, нация или церковь берут на себя те функции, которые первоначально выполняла для своего ребенка сама мать. Они служат опорой человеку, дают ему чувство укорененности, он ощущает себя их частью, а не обособленным от них индивидом. Человек, не принадлежащий к тому же роду, считается чужим и опасным, так как он не обладает теми человеческими свойствами, которые присущи только членам данного рода.

Фрейд считал фиксацию на матери ключевой проблемой развития как всего человеческого рода, так и отдельно взятого индивида. В соответствии со своей теорией он объяснял силу этой фиксации тем, что она проистекает из *сексуального* влечения маленького мальчика к матери и является выражением свойственной человеческой природе стремления к кровосмешению. Он предполагал, что сохранение такой фиксации в более поздние периоды жизни поддерживается сексуальным желанием. Соотнеся это предположение со своими наблюдениями над противоборством сына с отцом, он в высшей степени оригинально совместил одно с другим в едином понятии эдипов комплекс⁴⁷. Он объяснил враждебность по отношению к отцу как следствие сексуального соперничества с ним.

⁴⁶ Фиксация – в психоанализе задержка в сексуальном развитии на одной из стадий, чем затрудняется дальнейшее развитие и создается благоприятная почва для невроза. В широком смысле слова неуклонная ориентация переживаний в одном направлении, напр., сексуальная фиксация на каком-то человеке.

⁴⁷ Эдипов комплекс – в психоанализе совокупность переживаний мальчика, вызванных его отношениями с родителями:

Однако преувеличивая значение фиксации на матери, Фрейд обеднил свое открытие столь специфической интерпретацией. Фрейд перенес на маленького мальчика сексуальное чувство взрослого человека; при этом предполагается, что мальчик, имеющий, по мнению Фрейда, сексуальные желания, испытывает влечение к самой близкой ему женщине, и лишь превосходящая сила соперника в этом треугольнике заставляет его отказаться от своего желания, но он никогда не сможет полностью оправиться от невозможности его осуществить. Фрейдова теория представляет собой на редкость рационалистическую интерпретацию наблюдаемых фактов. Делая акцент на сексуальной стороне стремления к кровосмешению, Фрейд объясняет желание мальчика как нечто рациональное по своей сути и уходит от реальной проблемы, заключающейся в силе и глубине *иррациональной, эмоциональной* привязанности к матери, в желании вернуться в сферу ее влияния, оставаться частью ее, в боязни полного отделения от нее. Согласно фрейдовскому объяснению, стремление к кровосмешению не может осуществиться из-за наличия соперника-отца, тогда как в действительности это стремление противоречит всем требованиям взрослой жизни.

Таким образом, теория эдипова комплекса является одновременно *и* признанием, *и* отрицанием важнейшего явления – тоски человека по материнской любви. Придавая первостепенное значение стремлению к кровосмешению, Фрейд признает тем самым важность уз, связывающих с матерью; истолковывая это стремление как сексуальное, он отрицает эмоциональное – и истинное – значение этих уз.

В тех случаях, когда фиксация на матери носит, помимо прочего, и сексуальный характер (а такое, без сомнения, бывает), объясняется это тем, что эмоциональная привязанность настолько сильна, что влияет и на сексуальное желание, а не тем, что сексуальное желание лежит в основе этой привязанности. Напротив, сексуальное желание как таковое известно своим непостоянством по отношению к его объектам и обычно является как раз той силой, которая помогает юноше отделиться от матери, а вовсе не привязывает его к ней. В тех же случаях, когда сильная привязанность к матери искажает нормальную функцию сексуального влечения, приходится иметь в виду две возможности. Одна из них заключается в том, что сексуальное влечение к матери защищает от желания вернуться в материнское лоно; последнее же ведет к психическому заболеванию или смерти, тогда как сексуальное желание по крайней мере совместимо с жизнью. Человек избавляется от страха перед таящей опасностью утробой матери при помощи приближенного к жизни воображаемого сокоупления с ней⁴⁸. Другой возможный вариант состоит в том, что фантазия о сексуальной близости с матерью качественно отлична от сексуальности взрослого мужчины, т. е. не направлена на произвольный, доставляющий удовольствие акт. Детской фантазии свойственна пассивность, когда индивид покоряется матери и отдается ей даже в области сексуальных отношений. Кроме этих двух возможностей, свидетельствующих о довольно тяжелой патологии, мы встречаем случаи кровосмесительных сексуальных желаний, возбуждаемых обольстительной матерью; и хотя в них обнаруживается фиксация на матери, они свидетельствуют не о столь уж тяжелой патологии.

Фрейд сам искажил свое крупное открытие, возможно, под влиянием неурегулированности его отношений с собственной матерью; однако здесь, безусловно, сказались столь характерные для того времени строго патриархальные взгляды, которые он полностью разделял. Мать как объект любви была свергнута с пьедестала, и ее место было отдано отцу, занимавшему, как считалось, самое важное место в привязанности ребенка. В наши дни, когда патриархальные предрассудки в значительной мере утратили свою силу, кажется почти невероятным такое

влечением к матери и отношением к отцу как к сопернику. Название комплекса связано с именем героя древнегреческих мифов и трагедий царя Эдипа, который, в силу стечения обстоятельств и сам того не зная, убил своего отца и женился на собственной матери.

⁴⁸ Подобный исход выражается, например, в сновидениях, когда спящий человек видит, будто он находится в пещере и боится задохнуться, а потом совершает сокоупление со своей матерью, испытывая чувство облегчения. (Примеч. автора).

высказывание Фрейда: «Я не могу назвать ни одной потребности, которая в детские годы была бы столь же сильной, как потребность в *отцовской защите*»⁴⁹. В 1908 г. он аналогично писал о смерти своего отца, что это «самое потрясающее событие, самая тяжелая потеря в жизни человека»⁵⁰. Таким образом, Фрейд отводит отцу место, которое в действительности принадлежит матери, и низводит мать до положения объекта сексуального влечения. Богиня превращается в проститутку, а отец, возвышаясь, становится центральной фигурой мироздания⁵¹.

Поколением раньше Фрейда жил еще один гениальный человек, который увидел, что главная роль в развитии человека принадлежит узам, связывающим его с матерью. Это был Иоганн Якоб Бахофен⁵². Он не был связан рационалистической интерпретацией фиксации на матери как сексуальной по своей природе и поэтому мог глубже и объективнее осмысливать факты. В своей теории матриархата он предположил, что патриархальному обществу предшествовала такая стадия развития человечества, при которой узы, связывавшие человека с матерью, с родом и землей, были высшей формой приобщенности к миру как в индивидуальном, так и в социальном плане. Как было отмечено выше, в этой форме общественной организации мать была центральной фигурой в семье, в жизни общества и в религии. И хотя многие исторические построения Бахофена небесспорны, он, несомненно, открыл форму общественной организации и психологическую структуру, которые игнорировались психологами и антропологами, так как, с их патриархальной точки зрения, мысль об обществе, управляемом скорее женщинами, чем мужчинами, казалась просто абсурдной. Тем не менее имеется множество данных, свидетельствующих о том, что до нашествия с Севера в Греции и Индии существовали культуры с матриархальной структурой. На это указывает большое количество материнских божеств и их важное значение. (Венера из Виллендорфа, Божественная мать в культуре Мохенджо-Даро⁵³

⁴⁹ Freud S. Civilization and Its Discontent. Translated by J. Riviere. The Hogarth Press Ltd. London, 1953. P. 21. (*Курсив мой.* – Э.Ф.). (Примеч. автора).

⁵⁰ Цит. по: Jones E. The Life and Work of Sigmund Freud. Basic Books. Inc. New York, 1953. Vol. 1. P. 324. (Примеч. автора).

⁵¹ Отодвинув фигуру матери на задний план, Фрейд совершил в области психологии то же, что Мартин Лютер сделал в области религии. По существу Фрейд – психолог протестантизма. (Примеч. автора).

⁵² Ср.: Bachofen J.J. Mutterrecht und Ur-Religion. Ed. R. Marx, A. Kroener Verl. Stuttgart, 1954. (Примеч. автора). Бахофен Иоганн Я. (1815–1887) – швейцарский историк права. Положил начало изучению семьи и особенно проблемы матриархата. (Примеч. отв. ред.).

⁵³ Мохенджо-Даро – остатки города III–II тысячелетия до н. э. в провинции Синд в Пакистане, одного из центров хараппской цивилизации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.